

динамичными, увлеченными, изобретательными!

Иногда говорят, что наша литература слишком политизирована. Но это не так. Мы печально отстаем тут от Запада.

Наше искусство никогда не занималось разжиганием ненависти к другим народам. И никогда не опустилось до этого. Но мы обязаны противостоять потоку антисоветчины на сцене, в кино, литературе, театре на Западе. Мы обязаны использовать и театральную трибуну литературы, чтобы сказать людям о нашей позиции в мире.

Мы много говорим о воспитании художника-гражданина. Но гражданина надо воспитывать и в чиновнике, занимающем руководящую должность в органах культуры. Иначе происходят казусы. Как тот, о котором рассказал автор пьесы «Большевики». Когда она с успехом шла в Москве и в других городах, руководитель театрального отдела в одной из наших областей решил эту пьесу запретить и выразился на этот счет так: «Пока я занимаю этот пост, «Большевики» в нашей области не будет!»

На заседании комиссии мы с удовлетворением узнали, что с «областной» законодательством в отношении пьес будет покончено раз и навсегда. Мы уверены, что это относится и к тем совсем уж парадоксальным случаям, когда некоторых драматургов, пьесы которых идут во многих театрах Союза, не ставят именно в тех национальных республиках, где эти драматурги живут или откуда они родом.

Тревожит (и когда я произношу это слово, я вовсе не имею в виду, чтобы кто-то снял с наших плеч эту тревогу, нет, мы и сами намерены заниматься решением проблем, тревожащих нас), — так вот, нас тревожит, что в середине 80-х годов число переводов на русский язык произведений драматургии народов СССР снизилось по сравнению с 70-ми годами, а география взаимопроникновения братских культур в области драматургического творчества стала уже. Здесь прямое поле деятельности для советов по драматургии. С радостью мы узнали, что на днях было принято наконец долгожданное решение об открытии в Москве в этом году театра «Дружбы народов», в котором лучшие театральные коллективы республик смогут показывать свои лучшие спектакли. Хочу поздравить с этим всех профессионалов и любителей театра.

Драматургия для детей и юношества — важнейшая область нашей работы. Здесь есть признанные мастера, которые задают тон. Однако нас тревожит, что возле дверей театров юного зрителя мы теряем подростков, для которых театр — и это утверждают социологи — стал «непрестыжным развлечением». Конечно, в Москве, например, так мало детских театров, что подросток может побывать на спектакле, к нему обращенном, лишь один раз в два с половиной года. Однако и сами драматурги, и театры убивают его естественный интерес к театальному искусству сюсюканьем со сцены, псевдогероикой, назидательностью, монотонностью драматургических и театральных форм, стилей, ритмов.

Комиссия хочет привлечь внимание съезда к драматургии как к самому сложному виду литературы, а не как к материалу для театра. Для этого мы хотели бы напомнить редакторам литературно-художественных журналов — центральных, республиканских, региональных — о том, что в их обязанности входит печатать и производить драматургии, и критические разборы пьес. Мы предлагаем ввести в издательстве «Советский писатель» редакцию драматургии. Мы просим, чтобы альманах

«Современная драматургия» выходил не четыре, а шесть раз в год. Высказывались на заседании комиссии по драматургии и организационные предложения — о более частой сменяемости секретарей союза, о гласности заседаний секретариата и т. п.

Театры сейчас живут экспериментом, который должен упростить и ускорить движение пьесы на сцену. Мы надеемся — и это в большой степени зависит от нас, — что и сам эксперимент будет талантливым, смелым, динамичным, разнообразным. Нужно открывать новые театры. Нужно поддерживать самостийно рождающиеся молодежные театры-студии. Нужно создавать группы на одну пьесу и играть спектакли каждый день. Нужно думать о стадионном, публицистическом народном театре с использованием огромного экрана, позволяющего видеть мимику актеров. Есть множество интереснейших проектов, хватило бы лишь таланта, увлеченности, смелости, раскованности, изобретательности. А то ведь и эксперимент можно зарегулировать, как в считалочке: «Да и нет не говорите, черно-бело не берите, вы поедете на бал?» И тогда «бал» просто может не состояться.

Мы обсуждали на своей секции вопросы воспитания молодого драматургического поколения. И цифры, связанные с семинарами, творческими поездками и прочими благотворными акциями, впечатляют. Однако возникает и тревожный вопрос: не воспитываем ли мы настроения иждивенчества? На заседании комиссии приводился пример: Артур Миллер увидел в театре только часть написанных им пьес, Эдварда Олби уже больше десяти лет не ставят на Бродвее — боятся коммерческого провала.

Мы, разумеется, не за то, чтобы следовать такой практике, но, однако, хотелось бы скорректировать взгляды некоторых молодых писателей на общество как на неоплатного должника за то, что писатель родился, написал свою пьесу и немедленно бросил всякую другую работу. Литература, как известно, — дело суровое и во многом рискованное.

Мы с тревогой говорили о пассивности некоторых драматургов. Но скажу открыто: нас еще больше тревожит другая сторона. Уже появились, по удачному выражению одного из наших коллег, «соловьи» перестройки, обновления, ускорения, которые, быстро заучив новые словосочетания, выщелкивают их беспрестанно и громкогласно, как выщелкивали в свое время слова «экономика должна быть экономической», «пятилетка качества», «год решающий», «год завершающий» и т. п. Уже появились пьесы и сценарии с перелицованными конфликтами. Если раньше все проблемы к концу пьесы решал вышестоящий товарищ по телефону, то теперь вышестоящего товарища в конце пьесы, конечно же, ко всеобщему ликованию, снимают. А все проблемы теперь решает новый вышестоящий товарищ, назначенный вместо старого. Решает он, впрочем, по тому же телефону, потому что телефонные аппараты при этом, как известно, не меняют, а литератор-петушок ничего другого придумать не может.

Я говорю об этом не для того, чтобы вас позабавить. И не потому, что отношусь с иронией к недавним лозунгам. Совсем нет! Я говорю об этом с большой тревогой — она была высказана многими участниками заседания комиссии, — не заболтаем ли мы нынешнее великое дело так же, как заболтавали другие, в общем-то, тоже правильные призывы. Потому, что у нас есть большие мастера заблывания, профессионалы показухи — показухи в восхитении, в самобичевании, даже показухи в скромности и принципиальности, даже показухи в сыновней любви. Большой отряд людей, которые умеют под шум перестройки налаживать свои дела и сводить свои личные и групповые счета. По этому поводу хорошо сказал Мустай Карим: «Ветер, врываясь на площадь, прежде всего поднимает с земли пыль и жухлую траву».

Но знаете, к какому выводу пришли мы в нашей комиссии? К совсем простому. Его сформулировал один очень хороший драматург приблизительно так: «Мы обязательно выполним решения XXVII съезда партии, потому что у страны, у нас нет иного выхода. Вот почему». Или как было уже сказано не раз: если не мы, то кто же, если не сейчас, то когда же?

Наше время самокритично. Но, думаю, мы можем позволить себе сказать, что драматургия одна из первых — я имею в виду роды литературы — отозвалась на требования партии о психологической перестройке общества.

Пьесы и спектакли «Диктатура советских» М. Шatroва в Театре имени Ленинского комсомола, «Серебряная свадьба» А. Мишарина во МХАТе, «Иван» А. Кудрявцева и «Из новостей этого дня...» Г. Маркова и Э. Шима в Малом театре, «Говори...» А. Буравского в Театре имени М. Н. Ермоловой, «Статья» Р. Солнцева в ЦАТСа, «Последний посетитель» В. Дозорцева в ленинградском БДТ и трилогия по прозе Ф. Абрамова в ленинградском Малом драматическом театре, «Концерт для двух скрипок в сопровождении восточных инструментов» А. Чичинадзе и Р. Струза в Театре имени Руставели, «Я, конечно, человек маленький» М. Гараевой в Киевском театре имени Леси Украинки, диалогия А. Абдуллина в Тюменском драматическом театре, «Крик журавля» А. Жука и А. Дударева в Белорусском театре имени Янки Купалы, некоторые другие работы стали заметным явлением не театральной только, но и общественной жизни.

Думаю, что появление этих пьес и спектаклей — даже при некоторых их художественных несовершенствах — свидетельствует о том, что сердце театра биться не перестало.

Можно и нужно отметить другое обстоятельство: эти пьесы не случайный всплеск гражданственности наших драматургов. Они были подготовлены и «Человеком со стороны» И. Дворецкого, и «Марией» А. Салынского, и «Гнездом глухари» В. Розова, и «Протоколом одного заседания» А. Гельмана, и «Равняется четырем Франциям» А. Мишарина, «Так победим!» М. Шatroва, «Тринадцатым председателем» А. Абдуллина, «Чинарским манифестом» А. Чхидзе и многими другими пьесами.

Драматургия и театр давно пробивались к тому уровню правды, который нужен народу, а это значит — к полной правде. Однако, отмечая успех и общественное признание новых пьес, мы считаем, что это лишь начало огромной творческой работы, которая предстоит драматургам.

Комиссия отдает себе отчет в том, что сегодня нужен нам взрыв в драматургии, прорыв вперед — смелый прорыв, неожиданный, может быть, такой, каким был во время войны «Фронт» А. Корнейчука. Обстановка, нам кажется, требует этого.

Наивно думать, что в разработке нового драматургического конфликта мы молниеносно преуспеем. Но ведь кому-то надо ходить в разведку! Освоение современной темы, в частности темы человека и труда, немыслимо без работ подготовительных, пробных, призванных послужить фундаментом больших художественных открытий. Но уже и фундамент вроде наметился — кто же возведет здание? Много современных персонажей присутствует на страницах пьес и на сцене, но мало героев задерживается в памяти.

Мы много говорили о положительном герое. Все согласны с этим термином, но ведь дело не в словах. Дело в том, что нам нужен активный, деятельный герой, не обязательно идеальный человек, но человек с идеалом, человек активного добра и активной правды, — я привожу те определения, которые звучали на заседании, в частности в выступлении А. Дударева, — иначе зло становится самоценным. Иначе права получают цинизм и равнодушие.

Наша критика справедливо высмеивает Джеймса Бонда и тенденцию «суперменства». Однако нам стоит задуматься о том, что не сомневающийся в своей сомнительной правоте супермен — весьма серьезный пропагандист американского взгляда на жизнь (это не важно, что Бонд находится на службе у английской королевы). Взгляда, который позволяет бомбить Ливию, обстреливать Бейрут, разрушать кварталы с черным населением в Филадельфии, убивать в Сантьяго — Альенде, в Вашингтоне — Летельера, в Стокгольме — Пальме. Я, естественно, не зову подражать «бондизму». Я предлагаю задуматься. И не только задуматься, но и творить, действовать, быть